

КОНСТИТУТИВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ

Под словесной культурой понимается часть культуры общества, связанная с языком, его функционированием (словесность), его нормированием (филологическая деятельность). Это система нормативов, по которым строится языковая жизнь общества: и общественно-языковая практика, и теория языка [Рождественский 1996].

Как всякая культура, советская словесная культура обладала гетерогенной структурой, то есть диалогичностью, обеспечивающей динамику, развитие. Впервые это было отмечено В.З. Паперным [Паперный 1996], выделившим две культурные модели, чередующиеся и враждующие друг с другом. Гетерогенность пронизывала всю культуру и ее носителей (см. [Романенко 2003]). Особенность же советской гетерогенности в том, что она принимала форму принципа, называвшегося **демократическим централизмом**.

Этот принцип – определенный вариант сочетания и соотношения известных социальных организационных структур – авторитарности и демократии. «Демократия и авторитарность (односторонняя властность, доминирование управляющих над управляемыми) – полярно противоположные моменты организованной деятельности любой социальной системы. В норме они образуют гармоничное сочетание, в котором ситуационно преобладает один или другой момент. Абсолютная демократия (без какой бы то ни было примеси авторитарности) является такой же организационной аномалией, как и абсолютная авторитарность (без всякой демократии). Они могут встречаться в общественной жизни именно как аномалии, извращения, организационные уродства (в первом случае это анархия, во втором – тоталитарность)» [Курашвили 1989: 468].

Принцип демократического централизма был разработан для организации социал-демократической партии и определял ее структуру и функционирование. Партия в СССР стала правящей и единственной, т.е. оказалась структурным и функциональным социальным образцом, и принцип демократического централизма распространился на весь советский социум, организуя все существенные черты советской культуры.

Главное в этом принципе для советской культуры – централизм, демократия не столько ограничивает его, сколько дополняет и «аранжирует» (формами и жанрами речи). Это соотношение было заложено в большевистском дискурсе с самого его основания, возникновения, связанного с деятельностью по созданию партии «нового типа» Ленина. Вот точное свидетельство Троцкого: «Революционный централизм есть жесткий, повелительный и требовательный принцип. В отношении к отдельным людям и к целым группам вчерашних единомышленников он принимает нередко форму безжалостности. Недаром, в словаре Ленина столь часты слова: непримиримый и беспощадный. Только высшая революционная целеустремленность, свободная от всего низменного, может оправдать такого рода личную беспощадность» [Троцкий 1990 Т.1: 187].

Другое важное качество демократического централизма в том, что именно он, главным образом, обеспечивал принципиально важное для советской культуры единство семантической информации, формировал условия для осуществления этого единства (и в производстве речи, и в герменевтических процедурах).

Кроме того, принцип демократического централизма формировал советскую жанро-видовую систему речи от ораторики до документа [Романенко, Санджи-Гаряева 2002].

Существенно, что этот принцип кодифицировался уставом, формулируясь и уточняясь на всем протяжении существования культуры. Это говорит о его принципиальной культурной значимости.

С филологической точки зрения демократический централизм является общим принципом устройства коммуникации и речевой деятельности. Ю.В. Рождественский говорит об этом следующее: «При основании РСДРП В.И. Ленин назвал принцип демократического централизма в качестве основной нормы партийной жизни. Являясь комплексным (одновременно юридическим, этическим, риторическим и т.п.), он составляет организационный принцип партии нового типа и в этом качестве служит основой регламентации совещательной речи в различных органах Советской власти и общественных организациях.

Принцип демократического централизма, отдавая ей предпочтение перед другими видами речи (что делает совещательную основой советской демократии), вместе с тем влияет не только на другие виды – показательную, судебную, пропагандистскую, учебную, но и на управление ими. Это влияние распространяется также на организацию и отбор документов (что делает ведущим типом документальной речи протокол), книжных и журнальных публикаций, на организацию речи в массовой информации и информатике. Под словами «влияет на организацию» следует понимать именно участие в организации данного вида речи. Например, нецелесообразно вводить демократический централизм в школе, чтобы учащиеся определяли состав заданий и регламент урока. А вот на всех обсуждениях учебных предметов – от школьного педсовета до заседаний в Академии педагогических наук, где применяется совещательная речь, - принцип демократического централизма действует по праву. Применяемый первоначально в практике партийного строительства, а затем распространенный на другие формы совещательной речи, он позволяет разумно ее организовать (избавиться от митинговой стихии, с одной стороны, и от «давления авторитетов» на принятие решения – с другой), превратить разрозненных людей в спаянный общим делом коллектив» [Рождественский 1985: 11-12].

Ю.В. Рождественский отмечает, во-первых, комплексность демократического централизма, во-вторых, его ориентированность на совещательную речь. С последним без уточнений согласиться нельзя. Совещательная речь в этом принципе подчинена документу, как демократия централизму. Совещательная

речь первична генетически, но не типологически. Об этом говорит вся история советской культуры и исторические модификации демократического централизма в частности. Собственно об этом идет речь в более поздней работе Ю.В. Рождественского: «Суть ... этики, называемой демократический централизм, состоит в том, что член партии лишь во время обсуждения вопроса высказывает личные мнения, но подчиняется в своих суждениях и действиях суждениям большинства, после того как решение принято. Руководство партии обобщает мнения и решения организаций партии, и решения руководства становятся обязательными для всех ее членов в их мыслях и поступках» [Рождественский 1997: 512].

Таким образом, филологически демократический централизм – это принцип сочетания видов словесности в советской культуре. Исторически он проявляется в различном «удельном весе» этих видов. Этот принцип реализуется в правилах соотнесения устно-речевой ораторской стихии со стихией письменно-деловой в различных публичных ситуациях. Устно-речевая стихия воплощается в ораторской практике, главным образом, в совещательной речи, которая необходима для выработки коллективных решений, для организации выборов сверху донизу. Дискуссия, полемика, обсуждение, критика в широком смысле (проработка и самокритика в том числе) – формы этой речевой демократии. Принцип подчинения меньшинства большинству возник из этой ораторской митинговой стихии. Письменно-деловая стихия воплощается в документе как виде словесности, управляющем деятельностью. Документ необходим для централизованного руководства массами, для становления партийной дисциплины и контроля над ней, для исполнения выработанных демократически решений. В разных речевых ситуациях, в зависимости от жанро-видовых форм публичной речи (митинг, демонстрация, собрание, совещание, конференция, пленум, съезд и др.) роль и «удельный вес» этих компонентов могли изменяться. Но при этом документный компонент был более важен и не мог становиться абсолютно ритуальным, как ораторский компонент.

Советская этически совершенная речь, выстроенная в соответствии с принципом демократического централизма должна была отвечать двум условиям.

Во-первых, она должна была пройти обсуждение, хотя бы формальное, и получить одобрение большинства. Другими словами, она должна была пройти партийную цензуру. Причем партийная цензура носила превентивный характер, поэтому речь, становящаяся публичной, т.е. допускаемая к аудитории, уже в силу этого обладала партийностью и потому приобретала влияние.

Во-вторых, эта влияние выражалась в том, что речь аксиологически и функционально приобретала статус документа и воспринималась аудиторией в качестве такового. Формально это, как правило, реализовалось соответствующим удостоверяющим реквизитом (виза, подпись, печать, резолюция и т.п.).

Поэтому советская этически совершенная речь 20-х и особенно 30-х годов – это всегда речь не с индивидуальным, а с коллективным авторством (по крайней мере, мнение автора должно быть обсуждено и согласовано). Разумеется, здесь мы говорим об идеальной речи, в действительной же речевой практике встречались разнообразные варианты и модификации этого идеала. Модифицировался этот идеал и с течением времени. Этические нормативы официальной речи, например, 60-х, а затем 70-х годов были несколько иными (например, некоторый устно-разговорный индивидуализм и «волюнтаризм» Н.С. Хрущева).

Другая фундаментальная черта советской словесной культуры – это ее **документность**. Как следует из приведенной характеристики демократического централизма, письменно-деловая речь подчиняла устно-ораторскую в речевой практике советского общества. Документ лежал в основе речевой деятельности партии (решения съездов, пленумов, конференций) и, следовательно, всего общества, что обеспечивалось средствами массовой коммуникации. Эти обстоятельства и обусловили канцеляризацию советской культуры. К.И. Чуковский назвал это свойство канцеляритом (болезнь языка, распространившаяся на всю

культуру). Канцелярит в советской словесности стал глобальным явлением и перестал быть лишь проблемой культуры речи, он, по существу, претендовал на статус языкового стандарта, который позже был назван новоязом.

Устройство советской словесной культуры по принципу демократического централизма с документным началом сопровождалось особой риторикой – **учительно-пропагандистской**. Такой характер риторики, организующей официальную речевую деятельность общества, явился следствием перестройки системы гомилетики. Традиционная гомилетика включала в себя такие типы речи, как проповедь (с нее и началась гомилетика как разновидность риторической словесности), пропаганда и речь академическая. Из советской культуры была удалена церковь как идеологический институт, соответственно из официальной гомилетики ушла проповедь, ее место заняла партийная пропаганда, которая распространила свое влияние не только на гомилетическую речь, но и на всю словесность (в соответствии с ленинским принципом партийности литературы). Советская гомилетика приобрела учительно-пропагандистский характер, замещая церковь, этот характер распространился и на всю официальную словесность.

Таким образом, своеобразие советской словесной культуры, по нашему мнению, определяется прежде всего типом гетерогенности (демократическим централизмом), документностью словесности и учительно-пропагандистской риторикой. Эти черты сформировали и определенный нормативный тип языковой личности (образ ратора) с соответствующими речемыслительными нормативами.

Литература:

Курашвили Б. Демократия // 50/50: Опыт словаря нового мышления. – М., 1989.

Паперный В. З. Культура «Два». – М., 1996.

Рождественский Ю. В. Слово в нашей жизни // вопросы лекционной пропаганды. – М., 1985. – Вып. 9.

Рождественский Ю. В. Общая филология. – М., 1996.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. – М., 1997.

Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. – М., 2003.

Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С. Общефилологические основания советской жанровой системы // Жанры речи. – Саратов, 2002. – Вып. 3.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. – М., 1990. – Т. 1-2.

Сведения об авторе:

Романенко Андрей Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории языка Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Электронный адрес: sandji93@mail.ru